

УДК 008:130.2

EDN DUZQWQ

Научная статья

<http://centrniign.ru>

ISSN 2307-5775 (Print)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДЕФИНИЦИЯХ

С. В. Шиндель

Энгельсский технологический институт (филиал)
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю. А., г. Энгельс, Россия
schindelswetlana@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются проблемы и противоречия, сформировавшиеся к настоящему времени вокруг понятия «культурное наследие». Первой проблемой является сам подход исследователей, заключающийся в попытке сформулировать дефиницию культурного наследия как такового, вне «человеческого» и «пространственного» контекстов; второй — попытки организации всеобъемлющей системы объектов наследия; третьей — сложность установления действительного создателя-носителя (этноса или группы этносов) объектов, представляющих собой результат культурной диффузии; четвертой — игнорирование исследователями динамического характера культурного наследия; пятой — трансляция образцов культурного наследия в молодежную среду. Вынесенная на обсуждение тема представляется значимой в современных условиях, когда процессы глобализации актуализируют поиск этнической социокультурной идентичности; возникает потребность в описании и сохранении культурных форм, которые онтологически свойственны каждой нации в частности и мировому сообществу в целом. Культурные формы включают в себе уникальные этнические черты, маркируют своеобразие нации, провозглашают и утверждают незыблемость духовных ценностей и ориентиров, нивелирование или отсутствие которых ставит под сомнение как цивилизационное, так и биологическое выживание этноса. В целях сохранения исторической памяти и осознания этнокультурной сопричастности необходимо внести ясность, исключив некую «размытость», в содержание дефиниции «культурное наследие», четко обозначить границы проблемного поля данного понятия. Особую сложность представляют трансляция и популяризация культурного наследия в контексте исторических реалий и геополитических трансформаций XXI в.

Ключевые слова: культурное наследие, этнос, народ, молодежь, пространство, культурная диффузия, сохранение, трансляция

Для цитирования: Шиндель С. В. Культурное наследие: проблемы и противоречия в дефинициях // Центр и периферия. 2023. Т. 18, № 2. С. 90 — 96. EDN DUZQWQ

В настоящее время очевидным является тот факт, что человечество постепенно наращивает темпы своего развития, демонстрирует интенсивность культурного обмена как между отдельными национальностями (этносомами), так и между странами. Процессы глобализации актуализируют необходимость поиска и формирования этнической социокультурной идентичности, что приводит к осознанию необходимости очертить круг объектов материальной и духовной культуры, которые могли бы быть внесены в

списки культурного наследия различного уровня: «В рискованном положении перед лицом глобализации находится культурное наследие второй половины XX в. Еще менее защищенными выглядят региональные, национальные культуры, субкультуры социальных групп и слоев и т. д.» [11, с. 278].

Естественно, чем стремительнее развивается современное общество, тем острее встает проблема сохранения культурных форм, значимых для той или иной социальной общности, прежде всего этнической.

© Шиндель С. В., 2023

Человеческое сообщество — это не ракета, которая отбрасывает в процессе полета предыдущие ступени, его культурное прошлое не сгорает окончательно, а продолжает периодически «вспыхивать» и толкать человечество вперед. Культурное наследие суть топливо для дальнейшего развития культуры, и эта метафора еще раз подтверждает необходимость не только сохранения, но и трансляции (популяризации) культурного наследия: «Популяризация объектов культурного наследия позволяет сохранять их в различных знаковых системах: копиях, макетах, кодах, текстах, языках, говорах, фольклорах, обрядах, а также кино-, фото- и фоносистемах, а в настоящее время современные технические средства позволяют зафиксировать их в голограммном и цифровом изображении» [15, с. 122].

Цифровизация средств трансляции культурного наследия расширяет спектр возможностей его передачи представителям современной молодежи (поколение Z), но здесь существует проблема отношения данных представителей к историческому прошлому.

В связи с этим перед теоретиками встает задача определения понятия «культурное наследие» и выявления его структуры. Несмотря на то, что в исследованиях на данную тему наука дефицита не испытывает, многие из них начинаются примерно так: «Несмотря на то, что большинство музееведческих исследований, лежащих как в плоскости теории, так и нацеленных на осмысление практики, так или иначе затрагивают рассматриваемую категорию, единой и непротиворечивой дефиниции до сих пор не существует, употребление понятия в значительной степени зависит от конкретного контекста, а смысл зачастую оказывается окказиональным» [8, 42]. Встречается и более простое трактование: «Понятие „культурное наследие“ при всей вариативности существующих дефиниций до сих пор в полной мере не эксплицировано. При общей теоретической разработанности его структуры (оно подразделяется на материальное и нематериальное культурное наследие, а материальное в свою очередь делится на движимые и недвижимые объекты) на практике граница между вышеупомянутыми группами зачастую бывает размытой» [10, с. 12].

Необходимо отметить, что констатация отсутствия адекватной дефиниции, т. е. неспособности исследователей до настоящего времени ее разработать, приводит к мысли о том, что на сегодняшний день необходимо обозначить и сгруппировать не объекты, составляющие культурное наследие, а именно существующие проблемы и противоречия. Данное исследование представляет собой если не решение данной задачи, то, по крайней мере, попытку приближения

к ее решению. Обосновать авторский подход можно тем, что «наследие, как и любая система, развивается и в процессе развития неизбежно трансформируется, изменяется, подлежит пересмотру» [9, с. 58]. Разумеется, необходима точная дефиниция, поскольку именно она будет фигурировать в официальных документах, но для теоретического осмысления достаточно «окказиональных» версий, т. е. частичных, операциональных, не претендующих на универсальность формулировок.

Определение, данное в Федеральном законе № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г., кажется неудачным, поскольку вобрало в себя все, что входит в культуру как таковую. Оно имеет ярко выраженный описательный характер, представляется громоздким и одновременно размытым: «К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации относятся объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии и антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством цивилизации, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры»¹. Вероятно, давая это определение, законодатели усматривали в качестве культурного наследия дворец или храм, а также находящиеся в их пространствах культурные ценности. Если значимый объект культуры не связан с объектом недвижимости, то в статусе объекта культурного наследия ему отказано? Что означает фраза «возникшие в результате исторических событий»? Если признать человеческую деятельность историческим событием, то все в мире культуры является результатом цепочки исторических событий.

Необходимо отметить, что в теоретических работах при формулировке дефиниции «культурное наследие» фигурирует абстрактность. Иными словами, исследователи рассматривают культурное наследие вне зависимости от специфики его создателей и носителей и вне какой бы то ни было привязки к ним. На наш взгляд, в определении должны быть указаны те, для кого тот или иной объект или группа объектов являются культурным наследием. Например, данный объект может быть значимым в рамках определенного этноса или, например, группы родственных в

¹ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. / принят Государственной Думой 24 мая 2002 г.; одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 12.09.2022).

культурном отношении этносов или народа в целом и т. д. Понятие «народ» в данном случае очерчивает не национальность (этнос), а население того или иного государства.

Не исключено, что в дефиниции должна быть отражена и степень значимости объекта. Так, определение культурного наследия может быть связано с уже существующим территориально-административным делением: город, область (местное значение), регион (региональное значение), государство (федеральное значение) и т. д. Четкая пространственная привязка необходима в силу того, чтобы мы знали, кто и на каком уровне несет ответственность за сохранение объекта. В нашем делении присутствует такая единица, как город. В идеальном случае местная власть знает о значимых для имиджа города объектах лучше, чем федеральная или региональная, но на практике не имеет возможностей расширять список объектов культурного наследия.

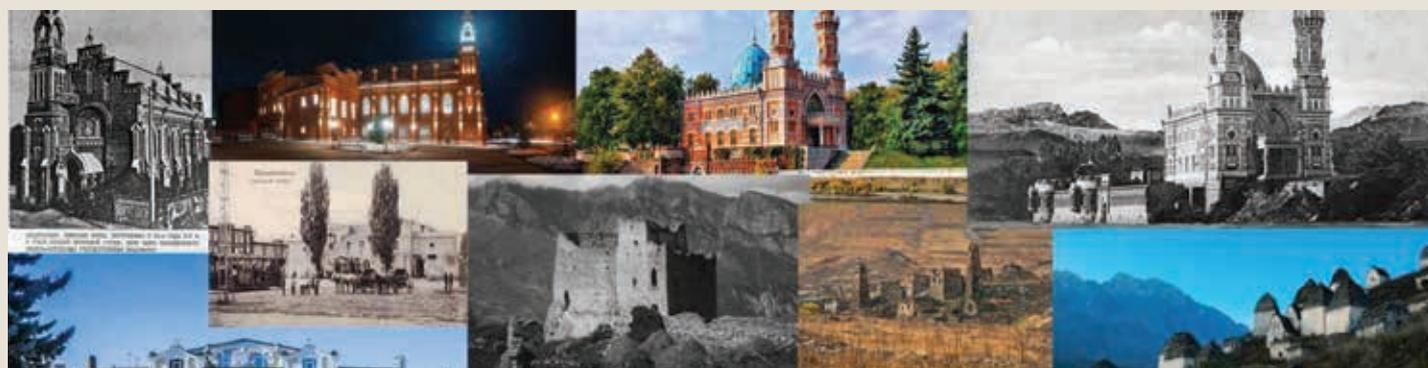
В контексте высказанных замечаний одной из важных задач, стоящих сегодня перед учеными, является четкое определение культурного наследия по характеру его создателей и носителей, а также по принадлежности к определенной территории. В понимании сущности культурного наследия оба аспекта («человеческий» и «пространственный») играют важную роль. Существуют три подхода к пониманию культурного наследия: «а) генетический, при котором наследие выступает как носитель исторической памяти, обеспечивающей сохранение самобытности национальной или региональной культуры; б) экологический, при котором наследие выступает как основа устойчивого развития общества и биосферы; в) географический, при котором наследие выступает как основа сохранения природного и культурного разнообразия мира, страны, отдельных регионов, этносов, групп населения» [5, с. 113].

Анализируя роль пространственного аспекта культурного наследия, Д. С. Добрынин полагает, что его актуализация явилась следствием применения системного подхода, ставшего возможным благодаря междисциплинарному характеру изучения объектов. Этот подход, по мнению автора, стал основой при разработке ряда региональных программ охраны и использования памятников исторических городов

России. Концептуальной базой этих программ стала система уникальных историко-культурных и природных территорий (единицей охраны, согласно этой концепции, является не памятник и даже не ансамбль, а территория) [6]. На наш взгляд, дело здесь не в междисциплинарном подходе: видение культурного наследия через призму конкретной территории стало возможным благодаря развитию экологии как науки о целостных и обладающих уникальными внутренними связями системах. В случае с культурным наследием система представляет собой своеобразную матрешку, т. е. ландшафт, в который «вписан» архитектурный ансамбль, столь же органично включающий в себя отдельный объект, в рамки которого помещены более мелкие объекты (бытовые предметы, произведения искусства и т. п.).

Очевидную сложность представляет и разделение самих объектов (материальных и нематериальных (духовных)) культурного наследия. В частности, философ и антрополог Л. В. Баева составляющие культурное наследие объекты материальной культуры подразделяет на: 1) объекты, обладающие художественной ценностью; 2) объекты, имеющие историческую ценность; 3) традиционные промыслы и полученные с их помощью результаты; 4) архитектурные сооружения. Множество объектов нематериального наследия составляют: 1) фольклор, народные традиции и обычаи; 2) наследие, связанное с религией; 3) интеллектуальное наследие (образцы знания) и 4) эстетическое наследие (театр, литература и т. п.) [1].

Необходимо отметить, что многие объекты культурного наследия крайне сложно отнести к какой-либо категории. Например, икона органичным образом связана с соответствующим объектом недвижимости (храм). Возникает множество вопросов. Во-первых, является она объектом материального или же духовного наследия? Во-вторых, икона — объект наследия или исключительно предмет культа? Для сотрудников музея и верующих важно, где должна находиться представляющая историческую и художественную ценность икона: в музее или в пространстве действующего храма? В-третьих, возможно, своим совершенством она демонстрирует высокую степень развития традиционных промыслов, в частности, иконописи или ювелирного искусства? Каким бы образом мы не

отвечали на поставленные вопросы, икона аккумулирует в себе такие качества, которые не позволяют нам однозначно отнести ее к какому-либо из представленных в классификации множеств. Если учесть сказанное выше, а именно, что с течением времени состав культурного наследия пересматривается и изменяется, то ситуация с иконой еще более усложняется. Например, после Великой Октябрьской социалистической революции икона перестала пониматься в качестве сакрального культового предмета и приобрела статус «пережитка прошлого», ценного лишь при условии наличия богато инкрустированного оклада: «Культовые памятники изучались в обстановке активной антирелигиозной пропаганды, когда было уничтожено огромное число церковных построек, сожжено немало икон, расплавлено множество предметов декоративно-прикладного искусства» [12, с. 60]. Затем икона надолго стала второстепенным музейным экспонатом, после чего повторно обрела статус культового предмета и, как следствие, «застряла» между музеем и храмом.

Существует определенное противоречие, которое в той или иной мере наличествует в подавляющем большинстве исследований: с одной стороны, их авторы представляют культурное наследие как нечто не подверженное времени, незыблемое, созданное навсегда; с другой (как было показано на примере иконы) — культурное наследие способно изменять свой статус и даже терять его в силу изменения социально-политических реалий.

В одной из своих методологических работ философ В. В. Ильин выдвинул и обосновал тезис о том, что одним из идеалов современного научного исследования является не эпистемологический (знание — цель), а антропный принцип, согласно которому «знание всегда есть средство, и при любых обстоятельствах познавательная экспансия должна получать гуманитарное, родовое оправдание» [7, с. 86]. Это означает, что наше познание оправдано лишь в той мере, в какой помогает выживанию и развитию человечества. В перспективе данный принцип, вероятнее всего, будет распространен и на множество объектов культурного наследия различного уровня: не наследие придает ценность человечеству, а человечество придает ценность культурному наследию.

Это вполне соответствует Конвенции ЮНЕСКО, принятой в 1972 г. По мнению исследователей, она «выделяла принципиально новый тип охраняемых объектов — природные и культурные достопримечательные места, нацеливала на современные подходы к анализу культурного наследия с точки зрения его включенности в рыночные товарно-денежные отношения, хозяйственную и иную деятельность, ориентировала его на использование для удовлетворения практических целей, связанных с правовыми и имущественными отношениями» [5, с. 110]. В подобного рода позиции, разумеется, есть и свои минусы, которые можно свести к одному — к опасности того, что Парфенон простоит настолько долго, насколько медленно будет расти цена на землю под его основанием.

В случае с этническим культурным наследием актуальной становится еще одна проблема, которую можно сформулировать следующим образом: значимо ли оно для отнесения какого-либо объекта к той или иной группе, является оно результатом творчества исключительно одной локальной группы или представляет собой результат культурной диффузии, под которой понимается продуктивное взаимодействие представителей различных культур, следствием чего является формирование эклектичных произведений искусства или архитектуры. Проблема состоит в том, что если мы включаем эклектику в множество объектов культурного наследия, то возникает вопрос идентификации создавшего ее этноса (и на этой почве возможны конфликты); если мы отрицаем за ней статус культурного наследия, то из поля зрения выпадает, например, искусство средневекового арабского Востока. Между тем в настоящее время многие исследователи подчеркивают роль культурной диффузии в становлении практически любой из известных нам культур: «Изучение материальной культуры, обрядов, искусства и мифологии Америки, различных форм африканской культуры и доисторической Европы с такой убедительностью раскрыли роль диффузии, что мы не вправе отрицать ее присутствия в формировании любого локального культурного типа. Следы диффузии выявляются не только методом сравнительного изучения; на нее указывает и обширный полевой материал» [3, с. 344].

Следующей проблемой, которую, на наш взгляд, необходимо обозначить, является трансляция и популяризация культурного наследия. Все исследователи говорят о необходимости передачи культурного наследия из поколения в поколение. Это вполне обоснованно, поскольку само наследие представляется своеобразной нитью, связующей поколения, обеспечивающей их преемственность. На уровне отдельного субъекта культурное наследие определяет специфику его идентичности, а также формирует в его сознании ощущение «встроенности» в историю, если не человечества в целом, то своего народа. В связи с этим следует согласиться с тем, что «само понятие „культурное наследие“ и собственно его образ в культуре в информационном обществе трансформируются вместе с развитием культуры, изменяются векторы трансляции, методы и способы сохранения, интерпретации и классификация объектов. Сегодня необходимость сохранения, обеспечения доступности культурного наследия подразумевает методы, опирающиеся на его особенности — удаленность во времени, отчужденность, фрагментарность, многоплановость объектов» [14, с. 162].

Что касается технической оснащенности, то к настоящему времени она настолько высока, что о предоставляемых ею возможностях приобщения к культурному наследию можно было мечтать еще пару десятилетий назад. Однако парадокс состоит в том, что чем шире спектр возможностей, тем меньше становится желающих ими воспользоваться. Если учесть, что основной вектор трансляции и популяризации направлен на молодежь, отчего культурный уровень большинства ее представителей столь низок?

В наибольшей степени внимание исследователей сейчас приковано к поколению Z, т. е. к молодым людям, рожденным после 1995 г. Дело в том, что в своих ценностных предпочтениях они представляют из себя нечто особенное: «Представители „поколения Z“ обнаруживают отличия иерархии ценностных предпочтений от системы ценностей предшествующих поколений. Наиболее характерной для них является приоритетность самостоятельности и независимости, на уровне нормативных идеалов — определяющая направленность на ценности „самовозвышения“, на уровне индивидуальных приоритетов — открытость к изменениям. Значимость уважения традиций занимает в их ценностной иерархии последнее место на обоих уровнях» [13, с. 61]. Нетрудно заметить, что

и востребованность культурного наследия как традиции занимает в их сознании последнее место.

У представителей данного поколения наблюдается специфическая особенность сознания, состоящая в том, что оно как бы внеисторично. Возрастающие объемы подлежащей обработке информации приводят к тому, что в памяти остается лишь то, что актуально сегодня: «Легкость забывания и дешевизна (как и быстрота) коммуникации суть два аспекта одного условия, которые едва ли можно рассматривать по отдельности. Дешевая коммуникация означает быстроту получения, удержания и вытеснения приобретенной информации, а вместе с ней и быстрое поступление новостей» [2, с. 92]. О какой истории, о каком культурном прошлом может идти речь и в каких формах должно преподноситься культурное наследие, чтобы быть актуализированным? В настоящее время на этот вопрос ответа нет.

Таким образом, подход многих исследователей к изучению культурного наследия заключается в их попытке сформулировать его универсальную дефиницию вне «человеческого» и «пространственного» контекстов. В результате появляются определения, состоящие из простого, бессистемного перечисления множественных объектов культурного наследия. Во избежание наложений и пересечений в определении объекты «зависают» в межклеточном пространстве таблиц или столбцов, не учитывая этническую самобытность. Особую сложность представляют объекты, являющиеся результатом культурной диффузии.

Кроме того, ошибочно игнорировать динамический характер культурного наследия как чего-то неизбывного. Следует помнить, что объект культурного наследия не обладает изначально значимостью, ею его наделяет человек, мнение которого склонно трансформироваться в такт изменениям социально-политической конъюнктуры.

Признавая необходимость не только сохранять, но и транслировать образцы культурного наследия, охватывая, прежде всего, молодежную аудиторию, исследователи не обращают внимания на (в лучшем случае) нейтральное отношение современной молодежи к традиции и репрезентирующим ее культурным формам. Поскольку всевозрастающие объемы информации делают жизненно важным умение забывать «ненужные» сведения, оставляя только актуальные, то восприятие культурного наследия молодыми людьми представляется затруднительным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баева Л. В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции // *Философия и общество*. 2012. № 1. С. 109 — 118.
2. Бауман З. Власть без места, место без власти // *Социологический журнал*. 1998. № 3/4. С. 86 — 100.
3. Боас Ф. Эволюция или диффузия? // *Антология исследований культуры*. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Изд-во «Университетская книга», 1997. С. 343 — 347.

4. Галкова О. В. Культурное наследие: структура и содержание понятия // Грани познания: электрон. журн. 2010. № 4 (9). С. 6 — 8. URL: <http://grani.vspu.ru/jurnal/9>
5. Галкова О. В. Теоретические основы культурного наследия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 3 (15). С. 110 — 114.
6. Добрынин Д. С. Понятие «культурное наследие» в гуманитарной науке // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 6а. С. 236 — 239.
7. Ильин В. В. Теория познания. Эпистемология М.: Изд-во МГУ, 1994. 136 с.
8. Климов Л. А. Культурное наследие как система // Вопросы музееологии. 2011. № 1 (3). С. 42 — 46. URL: <https://voprosi-muzeologii.spbu.ru/ru/arkhiv-nomerov/55-voprosy-muzeologii-1-3-2011.html>
9. Кругликова Г. А. Наследие в современном социокультурном пространстве: к постановке проблемы // Социально-гуманитарное образование: Человек, общество, государство (историко-педагогические аспекты): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2019. С. 58 — 63.
10. Курьянова Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 12 — 18.
11. Малкина Л. Н. К вопросу о культурном наследии // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 3 (86). С. 277 — 284.
12. Полякова М. А. «Культурное наследие»: историческая динамика понятия // Обсерватория культуры. 2006. № 1. С. 60 — 63.
13. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты / М. С. Яницкий [и др.] // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46 — 67.
14. Шаповалова Г. М. Концепция цифрового культурного наследия и его генезис: теоретико-правовой анализ // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. № 4 (39). С. 159 — 168.
15. Шестова С. М. Принципы охраны всемирного культурного наследия и глобальные вызовы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 122 — 127.

Информация об авторе:

Светлана Владимировна Шиндель, доцент кафедры экономики и гуманитарных наук Энгельского технологического института (филиал) Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А. (413100, Россия, г. Энгельс, площадь Свободы, д. 17), кандидат культурологии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5253-0068>, schindelswetlana@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 14.02.2023.

Original article

CULTURAL HERITAGE: ISSUES AND CONTRADICTIONS OF DEFINITIONS

S. V. Shindel

Engels Institute of Technology (branch) of Yuri Gagarin State
Technical University of Saratov, Engels, Russia
schindelswetlana@mail.ru

Abstract

The present article deals with the issues and contradictions that have formed by the present time around the concept of cultural heritage. The first issue is the approach of researchers itself that consists in an attempt to formulate the definition of cultural heritage as such, outside the “human” and “spatial” contexts. The second issue is the attempts to organize a comprehensive system of heritage objects. The difficulty to determine the actual creator-carrier (ethnos or group of ethnos) of objects, which are the result of cultural diffusion, is the next one. The fourth issue is researchers ignoring the dynamic

nature of cultural heritage. In addition, the last one is the translation of samples of cultural heritage to the youth environment. The topic under discussion seems to be significant in modern conditions, when the global processes actualize the search for ethnic social and cultural identity; there is a need to describe and preserve cultural forms that are ontologically characteristic of each nation in particular and the world community as a whole. These cultural forms contain unique ethnic features, mark the originality of the nation, proclaim and affirm the inviolability of spiritual values and landmarks, the leveling or absence of which challenge both the civilizational and biological survival of any ethnos. In order to preserve historical memory and awareness of ethno-cultural involvement, it is necessary to clarify the content of the definition of “cultural heritage”, excluding a certain “vagueness”, to state clearly the borders of the problem field of this concept. Translation and popularization of cultural heritage in the context of historical realities and geopolitical transformations of the XXI century are of particular difficulty.

Keywords: cultural heritage, ethnos, nation, youth, space, cultural diffusion, preservation, translation

For citation: Shindel SV. Cultural heritage: issues and contradictions of definitions. *Center and Periphery*. 2023;18(2):90—96. EDN DUZQWQ

REFERENCES

1. Baeva LV. Preservation of cultural heritage as the embodiment of the value of tradition. *Philosophy and Society*. 2012;(1):109—118. (In Russ.)
2. Bauman Z. Power without a place, a place without power. *Sociological Journal*. 1998;(3/4):86—100. (In Russ.)
3. Boas F. Evolution or diffusion? *Anthology of Cultural Studies*. St. Petersburg;1997;1:343—347. (In Russ.)
4. Galkova OV. Cultural heritage: structure and content of the concept. *Facets of Cognition*. 2010;(4):6—8. URL: <http://grani.vspu.ru/jurnal/9> (In Russ.)
5. Galkova OV. Theoretical foundations of cultural heritage. *Bulletin of the Volgograd State University. Philosophical, Sociology and Social Technologies*. 2011;(3):110—114. (In Russ.)
6. Dobrynin DS. Concept of “cultural heritage” in the Humanities. *Bulletin of the Buryat State University*. 2012;(6a):236—239. (In Russ.)
7. Ilyin VV. The theory of cognition. Epistemology. Moscow;1994. (In Russ.)
8. Klimov LA. Cultural heritage as a system. *The Issues of Museology*. 2011;(1):42—46. URL: <https://voprosi-muzeologii.spbu.ru/ru/arkhiv-nomerov/55-voprosy-muzeologii-1-3-2011.html> (In Russ.)
9. Kruglikova GA. Heritage in the modern socio-cultural space: towards the problem statement. *Social and Humanitarian Education: Man, Society, State (Historical and Pedagogical Aspects)*. Proceedings. Ekaterinburg;2019:58—63. (In Russ.)
10. Kuryanova TS. Cultural heritage: the semantic field and practice. *Tomsk State University Journal. Cultural Studies and Art Criticism*. 2011;(2):12—18. (In Russ.)
11. Malkina LN. Towards the problem of cultural heritage. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2014;(3):277—284. (In Russ.)
12. Polyakova MA. “Cultural heritage”: historical dynamics of the concept. *Observatory of Culture*. 2006;(1):60—63. (In Russ.)
13. Yanitskij MS [et al.]. The value orientations system of generation Z: social, cultural and demographic determinants. *Siberian Psychological Journal*. 2019;(72):46—67. (In Russ.)
14. Shapovalova GM. The concept of digital cultural heritage and its genesis: theoretical and legal analysis. *Territory of New Opportunity. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2017;(4):159—168. (In Russ.)
15. Shestova SM. Principles for the protection of the world cultural heritage and global challenges. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Art*. 2015;(6):122—127. (In Russ.)

Information about the author:

Svetlana V. Shindel, Associate Professor of Department of Economics and Humanities of the Engels Institute of Technology (branch) of the Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (17 Svobody Square, Engels 413100, Russia), Candidate of Cultural Studies, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5253-0068>, schindelswetlana@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 14.02.2023.